

Д. В. Папин, А. С. Федорук

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 656049, Россия*

papindv@mail.ru, fedorukas@mail.ru

**КУЛЬТОВОЕ СООРУЖЕНИЕ
НА ТЕРРИТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ МАЛЫЙ ГОНЬБИНСКИЙ КОРДОН 1/3
(БАРНАУЛЬСКОЕ ПРИОБЬЕ) ***

Исследование посвящено одной из наиболее актуальных проблем современной археологии – реконструкции древних сооружений. В научный оборот вводится изученная на поселении Малый Гоньбинский Кордон 1/3 (Барнаульское Приобье) в 1997–2001 гг. постройка финального этапа бронзового века. Сооружение принадлежит к кругу древностей позднего этапа ирменской археологической культуры и относится к крупным постройкам полужемляночного типа. Отмечено отсутствие очагов, следов утепления стен и кровли. Расположение столбовых ям свидетельствует о каркасно-столбовом типе сооружения. Используя полученные данные, а также наработки специалистов-археологов по материалам единовременных памятников сопредельных территорий, предлагается графическая реконструкция внешнего вида постройки, отражающая ключевые особенности ее устройства. В заключение, определяя назначение данного сооружения, авторы исходя из специфики обнаруженного инвентаря и остеологической коллекции, отдельных особенностей конструкции, а также наличия рядом единовременного погребального комплекса приходят к выводу о ее ритуальном назначении.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барнаульское Приобье, поздний этап бронзового века, археология, ирменская культура, поселение, сооружение, полужемлянка, реконструкция.

Важнейшими характеристиками адаптационных систем археологических культур являются традиции домостроительства, так как они напрямую связаны с производственными навыками и отражают приспособление населения к окружающей среде. Вместе с тем они несут в себе как региональные, так и эпохальные индикаторы, связанные с процессами этнокультурного взаимодейст-

вия, протекавшими в переходные периоды на стыке больших хронологических эпох. Базовым памятником по домостроительству переходного времени от бронзового века к железному в Алтайском Приобье долгое время являлось поселение Ближние Елбаны I, где М. П. Грязновым были раскопаны остатки пяти землянок [Грязнов, 1956. С. 81]. В 1997–2001 гг. одним из авторов настоя-

* Исследование проведено за счет гранта правительства РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»), а также в рамках Госзадания Министерства образования и науки РФ (проект № 33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии») и гранта РФФИ (№ 17-11-22011, проект «Барнаульское Приобье в древности»).

Папин Д. В., Федорук А. С. Культурное сооружение на территории поселения Малый Гоньбинский Кордон 1/3 (Барнаульское Приобье) // *Вестн. НГУ. Серия: История, филология.* 2017. Т. 16, № 5: Археология и этнография. С. 41–49.

щей статьи на поселении Малый Гоньбинский Кордон 1/3 была изучена постройка также финального этапа бронзового века. Введению в научный оборот полученных в ходе ее исследований новых сведений и посвящена настоящая статья. Ее актуальность состоит в высокой научной значимости материалов, происходящих из подобных археологических объектов периода, когда в степях Евразии формировалось такая отрасль хозяйства, как кочевое скотоводство.

Археологический памятник Малый Гоньбинский Кордон 1/3 (МГК-1/3) расположен на останце коренного правого берега р. Обь, напротив пригорода г. Барнаула – с. Гоньба. Поселение обнаружено в 1977 г. Ю. Ф. Кирюшиным, собравшим на пашне несколько десятков обломков керамических сосудов ирменской и большереченской культур. В полевом сезоне 1997 г. А. Л. Кунгуровым и Д. В. Папиным проведены охранные работы – к хозяйственной траншее был прирезан раскоп 8×8 м, в который попал восточный угол котлована древнего сооружения. Затем в 1999 г. Д. В. Папиным было вскрыто еще 172 кв. м площади памятника, что позволило практически полностью раскопать котлован постройки [Папин, 2000; Кунгуров, Папин, 2001. С. 79; Кунгуров, 2006]. Таким образом, общая изученная площадь объекта за все годы исследования составила 240 кв. м.

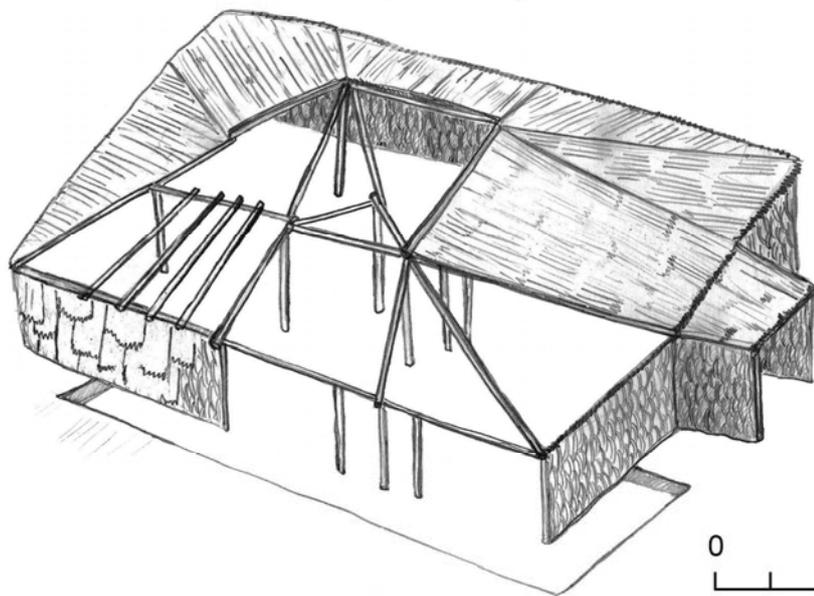
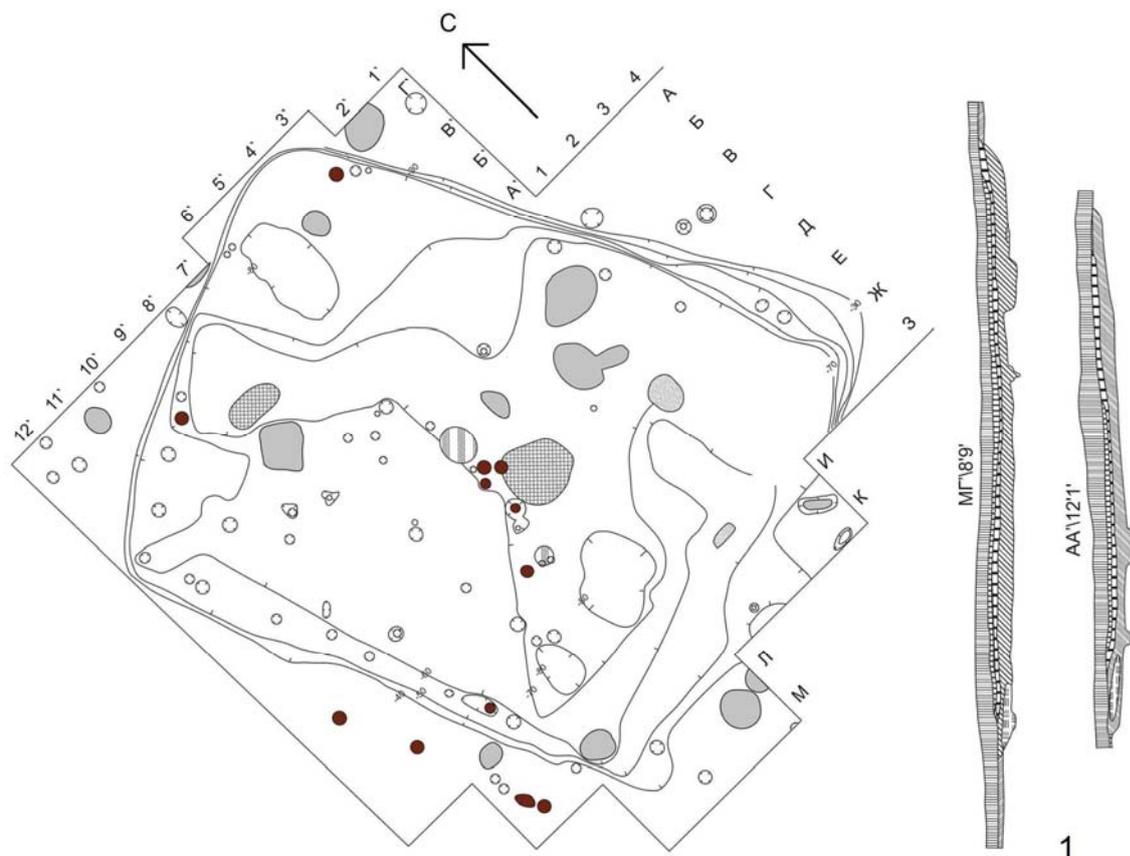
На уровне материковой поверхности был выявлен верхний контур котлована (см. рисунок). На разных участках раскопа он четко читался на отметке 0,3–0,4 м. Только в квадратах К, И/1'-4' его граница была выражена слабо, так как верхний горизонт здесь был сильно поврежден распашкой. Последующая выборка заполнения котлована осуществлялась по горизонтам мощностью 0,1 м, с фиксацией глубины находок от уровня современной поверхности.

Котлован сооружения подпрямоугольной в плане формы, размеры $10,8 \times 14,4$ м, вытянут по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток (см. рисунок). Общая его глубина достигала 0,8 м от уровня современной поверхности, углубление в материк до 0,45–0,5 м. Стенки котлована покатые, сужающиеся к центру. Заполнение неоднородное: выделялись слои темно-серой, светло-серой, черной и светло-серой золистой супесей. На площади раскопа зафиксировано 78 ям. Их заполнение составляла черная супесь. Заполнение ям, расположенных за предела-

ми раскопа, – горизонт темно-серого гумуса. Преобладающая часть из них, несомненно, связана с конструкцией сооружения. Большинство имеет диаметр 0,15–0,35 м, вертикальный профиль и подовальный или подпрямоугольный разрез. Выделяются 10 столбовых ям, имеющих наклон относительно материковой поверхности или поверхности дна котлована. Четыре из них (диаметр 0,15–0,3 м, глубина 0,11–0,25 м), расположенных в центральной части котлована, были установлены под углом 45° по направлению на юго-запад. Один столб (яма диаметром $0,23 \times 0,25$ м и глубиной 0,28 м от дна котлована), стоявший в центральной части котлована, также на 45° был наклонен к северо-западу. В центральной части котлована находился один столб (диаметр и глубина по 0,25 м), наклоненный под тем же углом на восток. Еще два столба (диаметр ям 0,27–0,3 м и глубина 0,14 и 0,2 м), стоявшие вдоль северной стены котлована, имели наклон 45° на юг. Такой же угол наклона по направлению на запад имели и два столба (диаметр 0,2–0,25, глубина 0,35–0,4 м) у юго-восточного угла котлована. К числу хозяйственных относятся 13 ям различных в плане форм, в заполнении которых обнаружены фрагменты керамики и кости животных.

Очагов или кострищ на площади котлована не зафиксировано, но выявлено два прокала (см. рисунок). Прокал в квадрате В/5', 6', имевший округлую в плане форму ($0,87 \times 0,72$ м) и мощность до 0,2 м, был впущен в слой черной супеси. Прокал в квадрате Е/6' также круглой формы ($0,4 \times 0,37$ м), мощностью до 0,01 м (зачищен после выборки слоя темно-серой супеси), был впущен в слой светло-серой супеси. Кроме того, в квадрате Д, Е/2' на глубине 0,6 м от современной поверхности была зачищена линза сажи мощностью до 0,07 м. Второй сажистый прослой толщиной 0,05 м находился в квадратах И, 3/3' на глубине 0,5 м.

В северо-западной части котлована изучено скопление костей лошади, располагавшееся на небольшом материковом выступе. В центре конструкции, в квадратах Д, Г/4', 5', найдено скопление из обожженной глины и фрагментов керамики. Скопление частично перекрывало восемь археологически целых керамических сосудов, находившихся ниже уровня пола и засыпанных ма-

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

	- пашня		- светло-серая золистая супесь		- прокаленная глина
	- темно-серая супесь		- сажистый прослой		- прокал
	- светло-серая супесь		- столбовые ямки глубиной менее 0,2 м		- хозяйственные ямы
	- черная супесь		- столбовые ямки глубже 0,2 м		

Сооружение на поселении Малый Гоньбинский Кордон 1/3:
1 – план; 2 – реконструкция

териковым песком. Первыми при разборе скопления в квадрате Д/4' были обнаружены стоявшая вверх дном целая полусферическая керамическая чашка и вложенная в нее чашка меньших размеров. В 0,3 м северо-восточнее найдена полусферическая неорнаментированная чашка, также стоявшая вверх дном. Еще три сосуда, вложенные один в другой вверх дном, находились на 0,4 м юго-западнее первой группы. Два сосуда, как бы вложенные один в другой, были зафиксированы при разборке бровки в квадрате Д/3', на глубине 0,8–0,85 м от дневной поверхности [Папин, 2000; Кунгуров, Папин, 2001].

Скопление прокаленной глины отмечено в квадрате Б'/8' на площади $1,2 \times 0,6$ м. Небольшие фрагменты ярко-красного цвета были включены в горизонт черной супеси.

В остальном насыщенность заполнения котлована материалами слабая, приурочены они преимущественно к горизонту черной супеси. Концентрация находок увеличивалась от центра котлована к его стенкам. Вдоль стенок сосредоточены скопления керамики.

Представленные данные позволяют условно реконструировать изученное сооружение (см. рисунок).

Углубление более чем на 0,5 в древнюю поверхность (0,4–0,45 м материка плюс покрывающие его слои мощностью не менее 0,2 м) относит постройку к группе полужемлянок. Ее площадь исходя из размеров котлована составляла около 150 кв. м. Вход имелся в центральной части южной стены, хотя четкого, хорошо углубленного в материк коридора здесь проследить не удалось. Расположение выявленных в раскопе ям, которые можно интерпретировать как столбовые, говорит о каркасно-столбовом типе постройки. Выделены ряды столбов, стоявших вдоль юго-западной и северо-западной стен котлована, а также скопление ям в центральной части. Вдоль восточной стенки также отмечен ряд ямок. Небольшая глубина столбовых ям (абсолютное их большинство имеет глубину до 0,2 м) может указывать на то, что постройка была легкой. Очевидно, каркас мог состоять из двух связанных между собой рам, опиравшихся на столбы по периметру котлована и в его центре. Стены постройки в таком случае были вертикальные, сделанные техникой тына или плетня. Обращает на себя внимание ли-

ния столбов вдоль западной стенки котлована, за его пределами. Не исключено, что здесь была пристройка – навес к стене сооружения.

Отмечается неравномерность углубления дна котлована. Наибольшая глубина наблюдается в его центральной и привходовой частях, вероятно, из-за повышенной степени эксплуатации этих участков пола постройки. Обнаруженная в центральной части, на месте наиболее вероятного нахождения очага, группа перевернутых сосудов в скоплении обожженной глины, возможно, символизирует очаг. Назначение наклонных столбов остается неясным. Установленные по краям котлована наклонные столбы обращены к его центру, а столбы центральной части – наоборот, к стенам. Однако четкой системы в их расположении, а соответственно и роли в каркасе постройки, не прослеживается.

Отсутствие следов утепления дерном или золой, фиксируемое на единовременных памятниках сопредельных территорий [Папин и др., 2014; Федорук и др. 2015], наводит на мысль, что для большей теплоизоляции снаружи они могли дополнительно покрываться берестой. Прямых свидетельств о типе кровли не обнаружено, но на единовременных строениях региона преимущественно возводилась крыша предположительно в форме усеченной пирамиды. Исходя из легкого типа постройки, можно полагать, что формирующие кровлю жерди были перекрыты вязанками тростника, корой деревьев, берестой.

Традиция возведения каркасно-столбовых строений характерна для населения лесостепной и степной частей юга Западной Сибири на протяжении всей эпохи бронзы и в переходное от бронзы к железу время [Абрамова, Стефанов, 1985. С. 105; Матвеев, 1993; Матвеев, Сидоров, 1985; Молодин, Глушков, 1989. С. 114–116, 118, 119; Очерки культурогенеза..., 1993; Борзунов и др., 1993. С. 26; Зах, 1997. С. 87; Овчаренко и др., 2005; Чича..., 2009. С. 20–30; Кирюшин и др., 2011. С. 22; Папин и др., 2014; Федорук и др., 2015; Мыльников, 2014. С. 565–566; Мыльников, Мыльникова, 2015; Молодин, Колонцов, 1984; Молодин и др., 2015. С. 90; Ситников, 2015. С. 113–114; Троицкая, Мжельская, 1992; Ткачев А., Ткачев Ал., 2015; Удодов, 1994. С. 12; Шамшин, 1986; 1988; Molodin et al., 2002. S. 236]. С учетом

представленных в перечисленных выше трудах результатов изучения истории домостроительства в данном регионе в указанный исторический период в научной литературе уже рассматривался вопрос о месте изученного нами объекта в ряду архитектурных памятников переходного времени от бронзового к железному веку и упоминалось его возможное ритуальное предназначение [Папин, 2000].

В подтверждение этому следует дополнительно указать на ряд выявленных на нем особенностей, не характерных для жилых сооружений: отсутствие долговременно действовавших очагов внутри конструкции и следов дополнительного утепления стен и кровли; наличие специфического комплекса костных остатков лошади в углу сооружения, зооморфной глиняной пластинки и клада-приношения; нахождение в центре объекта среди обожженной глины целых сосудов, характерных для погребальной посуды большереченской культуры VIII–VI вв. до н. э.; наличие в 150 м на северо-северо-восток грунтового могильника с близким материалам поселения керамическим комплексом [Кунгуров, Папин, 2001]. Исходя из сказанного можно предположить, что в постройке совершались действия, связанные с поминально-погребальным обрядом.

Исследователями ирменской культуры уже отмечалось особое место лошади в погребальном обряде ее носителей [Бобров, Горяев, 1998], поэтому обнаружение специфического костного комплекса лошади (возможно, шкуры с костями) дополнительно подчеркивает факт погребально-поминальной направленности в предназначении изученного сооружения. В таком же контексте можно трактовать и установку четырех из 10 наклонных столбов под углом на юго-запад и двух – на юг. Ритуальное назначение сооружения объясняет, в том числе, и легкость постройки – дополнительного утепления стен и кровли для полноценной теплоизоляции в зимний период не требовалось.

Таким образом, изученное на поселении Малый Гоньбинский Кордон 1/3 сооружение явно использовалось в обрядовой практике и, скорее всего, было связано с функционировавшим рядом грунтовым могильником позднеирменского населения рубежа бронзового и железного веков.

Список литературы

Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103–130.

Бобров В. В., Горяев В. С. Лошадь в погребальном обряде ирменской культуры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 182–186.

Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Поселения и жилища эпохи камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург: Наука, 1993. № 22. С. 4–45.

Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 160 с.

Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск: Наука, 1997. 132 с.

Кирюшин Ю. Ф., Грушин С. П., Тишкин А. А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. Т. 2. 171 с.

Кунгуров А. Л. Памятники археологии Первомайского района Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Азбука, 2006. Вып. 15. С. 327–385.

Кунгуров А. Л., Папин Д. В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 79–85.

Матвеев А. В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993. 180 с.

Матвеев А. В., Сидоров Е. А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 29–54.

Молодин В. И., Глушков И. Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

Молодин В. И., Колонцов С. В. Туруновка-4 – памятник переходного от бронзы к железу времени // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1984. С. 69–86.

Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С. Полевые исследования 2014 года в правобережном Прииртышье // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. Барнаул, 2015. С. 86–90.

Мыльников В. П. Типы жилищ и особенности домостроения по данным археологии: историографический аспект // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2014. С. 562–573.

Мыльников В. П., Мыльникова Л. Н. Жилые и хозяйственные постройки поселения переходного периода от бронзового к железному веку Линёво-1 (Присалаирье, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. № 43 (2). С. 72–86.

Овчаренко А. П., Мыльникова Л. Н., Дураков И. А. Планиграфия жилищ и организация жилого пространства на поселении переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1 // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск, 2005. Т. 1. С. 141–154.

Очерки культурогенеза народов западной Сибири. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1993. Т. 1, кн. 1: Поселения и жилища. 485 с.

Патин Д. В. Культурное сооружение переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние святилища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 86–88

Патин Д. В., Федорук А. С., Шамишин А. Б. Домостроительство эпохи бронзы степной Кулунды (по материалам раскопок поселения Рублево VI) // Маргулановские чтения – 2014. Алматы; Павлодар: ЭКО, 2014. С. 82–87.

Ситников С. М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 215 с.

Ткачев А. А., Ткачев Ал. Ал. Домостроительство пахомовского населения Тоболо-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Костанай; Алматы, 2015. С. 460–464.

Троицкая Т. Н., Мжельская Т. В. Жилища завьяловской культуры в лесостепном Приобье // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб., 1992. С. 163–165.

Удодов В. С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Федорук А. С., Патин Д. В., Редников А. А. Жилища эпохи поздней бронзы поселения Жарково-3 // Человек и Север: антропология, археология, экология. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2015. Вып. 3. С. 190–193.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТСО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

Шамишин А. Б. Поселение Мыльниково – памятник финальной бронзы и переходного времени от эпохи бронзы к железу // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 100–102.

Шамишин А. Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульско-Бийском Приобье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. 16 с.

Molodin V. I., Parzinger H., Schneeweiß J., Garkuška J. N., Grišhin A. E., Novikova O. I., Efremova N. S., Marčenko Z. V., Čemjakina M. A., Mylnikova L. N., Becker H., Faßbinder J. Čiča – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze – zur Frühheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe. Vorbericht der Kampagne 1999–2001 // Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens / Deutsches Archäologisches Institut. Eurasien-Abteilung, 2002. Bd. 8. S. 185–236.

D. V. Papin, A. S. Fedoruk

*Altay State University
2 Lenin Str., Barnaul, 656090, Russian Federation*

**RITUAL CONSTRUCTION
ON THE SETTLEMENT AREA MALYI GON'BINSKII CORDON 1/3
(BARNAUL OB REGION)**

Purpose. The study is devoted to one of the most urgent problems of modern archaeology – reconstruction of ancient structures. One of the most important characteristics of the adaptation systems of archaeological cultures is the traditions of house-building since they are directly related to the production skills and reflect the adaptation of the population to the environment. At the same time, they reveal regional and epochal processes of ethnocultural interactions that took place in antiquity. It is most clearly manifested in transitional periods, at the junction of large chronological epochs. Until recently, materials on the economy of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age in the Altai Priobye area were insufficient in scientific circles. The base monument was the settlement of Near Elbany I, where M. P. Gryaznov unearthed remains of five dugouts.

Results. We introduce materials on the settlement of Malyi Gon'binskii Cordon 1/3 (Barnaul Ob region) collected in 1997–2001. The construction belongs to the final stage of the Bronze Age. Settlement is located on the remnant of the radical right bank of the River Ob, opposite the suburb of the city of Barnaul. Was discovered in 1977 by Yu. F. Kiryushin, who collected several dozen fragments of ceramic vessels of the Irmenskaya and Bol'shrechenskaya culture on the plowland of the site. In the field season of 1997, A. L. Kungurov and D. V. Papin conducted security work on the settlement and an additional area of 8 × 8 m was excavated, where the eastern corner of the foundation pit of the ancient structure was discovered. The study of this construction was continued by D. V. Papin in 1999, who discovered another 172 square meters of the settlement. This area made it possible to almost completely excavate the foundation pit. Thus, the total area of the monument studied during all the years of investigation comprised 240 square meters. The excavated construction belongs to the antiquities of the late stage of the Irmenskaya archaeological culture and to the large semi-earthly type of structures. The absence of foci or traces of warming on the walls and roof speaks for the construction being light enough. The location of the pillars shows the frame-column type of the structure. Using the data obtained, as well as the experience of experts-archaeologists on the materials of lump-sum monuments of adjacent territories, we proposed a graphic reconstruction of the appearance of the structure, reflecting its key features. In general, erection of frame-and-pillar structures was practiced everywhere by culturally diverse groups of the population of the southern part of Western Siberia throughout the Bronze Age and in the transition period from the Bronze to Iron.

Conclusion. Determining the purpose of this building, the authors, based on the specificity of the inventory and osteological collection discovered, as well as particular features of the construction design and the presence of a number of a one-time funeral complex, we come to a conclusion about a ritual character of the construction. The ritual purpose explains, among other things, a light structure of the building as additional warming of the walls and roof for complete insulation in winter was not required. Thus, the construction, which was investigated at the settlement of Malyi Gon'binskii Kordon 1/3, occupied an important place in ritual practice and was connected with the near-earth burial ground of the Late Irmen' population at the turn of the Bronze and Iron Ages.

Keywords: Western Siberia, Barnaul Ob region, late stage of the Bronze Age, archaeology, Irmenskaya archaeological culture, settlement, construction, semi-dugout, reconstruction.

References

Abramova M. B., Stefanov V. I. Krasnoozerskaya kul'tura na Irtyshe [Krasnoozerskaya culture on the Irtysh]. *Arkheologicheskie issledovaniya v raionakh novostroek Sibiri* [Archaeological research in the regions of new buildings in Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1985, p. 103–130. (in Russ.)

Bobrov V. V., Goryaev V. S. Loshad' v pogrebal'nom obryade irmenskoï kul'tury [A horse in the burial rite of the Irmen culture]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories.]. Novosibirsk, 1998, p. 182–186. (in Russ.)

Borzunov V. A., Kiryushin Yu. F., Matyushhenko V. I. Poseleniya i zhilishha epokhi kamnya i bronzy Zaural'ya i Zapadnoi Sibiri [Settlements and dwellings of the Stone and Bronze Age of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Pamyatniki drevnei kul'tury Urala i Zapadnoi Sibiri* [Monuments of the ancient culture of the Urals and Western Siberia]. Ekaterinburg, 1993, no. 22, p. 4–45. (in Russ.)

Chicha – gorodishhe perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi [Chicha is an ancient settlement from the bronze to the iron of time in the Barabinsk forest-steppe]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, vol. 3, 248 p. (in Russ.)

Fedoruk A. S., Papin D. V., Rednikov A. A. Zhilishha epokhi pozdnei bronzy poseleniya Zhar'kovo-3 [Dwellings of the Late Bronze Age of the Zharkovo-3 Settlement]. *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ekologiya* [Man and the North: Anthropology, Archeology, Ecology.]. Tyumen', Izd-vo IPOS SO RAN Publ., 2015, iss. 3, p. 190–193. (in Russ.)

Gryaznov M. P. Istoriya drevnikh plemen Verhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob River in excavations near the Great River]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and researches for archeology of USSR]. Moscow, Leningrad, 1956, 160 p. (in Russ.)

Kiryushin Yu. F., Grushin S. P., Tishkin A. A. Berezovaya Luka – poselenie epokhi bronzy v Aleiskoi stepi [Birch Luke – a settlement of the Bronze Age in the Aleisk steppe]. Barnaul, AltSU Publ., 2011, vol. 2, 171 p. (in Russ.)

Kungurov A. L. Pamyatniki arkheologii Pervomaiskogo raiona Altaiskogo kraia [Monuments of archeology of the Pervomaisky district of the Altai Territory]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, Azbuka Publ., 2006, iss. 15, p. 327–385. (in Russ.)

Kungurov A. L., Papin D. V. Materialy final'noi bronzy arkheologicheskogo kompleksa Malyi Gon'binskii Kordon-1 [Materials of the final bronze of the archaeological complex Malyi Gonbinskiy Kordon-1]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography.]. Tyumen', IPOS SO RAN Publ., 2001, iss. 3, p. 79–85. (in Russ.)

Matveev A. V. Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'e [Irmen culture in the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk, NSU Publ., 1993, 180 p. (in Russ.)

Matveev A. V., Sidorov E. A. Irmenskie poseleniya Novosibirskogo Priob'ya [Irmen settlements of the Novosibirsk Ob region]. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti i srednevekov'e* [Western Siberia in antiquity and the Middle Ages]. Tyumen', 1985, p. 29–54. (in Russ.)

Molodin V. I., Glushkov I. G. Samus'skaya kul'tura v Verhnem Priob'e [Samus culture in the Upper Ob region]. Novosibirsk, Nauka, 1989, 168 p. (in Russ.)

Molodin V. I., Kolontsov S. V. Turunovka-4 – pamyatnik perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni [Turunovka-4 – a monument of time transition from bronze to iron]. *Arkheologiya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Archeology of the south of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 1984, p. 69–86. (in Russ.)

Molodin V. I., Myl'nikova L. N., Kobeleva L. S. Polevye issledovaniya 2014 goda v pravoberezhnom Priirtysh'e [Field research in 2014 in the right bank of the Irtysh region]. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verhnem Priob'e i na Altae* [Field research in Priirtyshye, Upper Ob River and Altai]. Barnaul, AltSPU Publ., 2015, p. 86–90. (in Russ.)

Myl'nikov V. P. Tipy zhilishch i osobennosti domostroeniya po dannym arkheologii: istoriograficheskii aspekt [Types of dwellings and features of housing construction according to archeology: the historiographical aspect]. *Arii steppei Evrazii: epokha bronzy i rannego zheleza v stepyakh Evrazii i na sopredel'nykh territoriyakh* [Aria of the Eurasian steppes: the era of bronze and early iron in the steppes of Eurasia and adjacent territories]. Barnaul, AltSU Publ., 2014, p. 562–573. (in Russ.)

Myl'nikov V. P., Myl'nikova L. N. Zhilye i khozyaistvennye postroiiki poseleniya perekhodnogo perioda ot bronzovogo k zheleznomu veku Linevo-1 (Prisalair'e, Zapadnaya Sibir') [Residential and economic buildings of the settlement of the transition period from the bronze to the iron age

Linevo-1 (Prisalairie, Western Siberia)]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [*Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*], 2015, no. 43(2), p. 72–86. (in Russ.)

Ovcharenko A. P., Myl'nikova L. N., Durakov I. A. Planigrafiya zhilishh i organizatsiya zhilogo prostranstva na poselenii perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku Linevo-1 [Planning of dwellings and organization of residential space in the settlement of the transition time from the bronze to the iron age Linevo-1]. *Aktual'nye problemy arkheologii, istorii i kul'tury* [*Actual problems of archeology, history and culture*]. Novosibirsk, NSPU Publ., 2005, vol. 1, p. 141–154. (in Russ.)

Ocherki kul'turogeneza narodov zapadnoi Sibiri. Vol. 1. Book 1. Poseleniya i zhilishha [*Essays on the Culturogenesis of the Peoples of Western Siberia. Vol. 1. Book 1. Settlements and dwellings.*]. Tomsk, TSU Publ., 1995, 485 p. (in Russ.)

Papin D. V. Kul'tovoe sooruzhenie perekhodnogo vremeni ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu veku v lesostepnom Altaiskom Priob'e [Cult construction of the transition time from the Bronze Age to the Early Iron Age in the forest-steppe Altai Ob area]. *Drevnie svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki* [*Ancient sanctuaries: the archeology of the ritual and questions of semantics.*]. St. Petersburg, 2000, p. 86–88. (in Russ.)

Papin D. V., Fedoruk A. S., Shamshin A. B. Domostroitel'stvo epokhi bronzy stepnoi Kulundy (po materialam raskopok poseleniya Rublevo-VI) [Housebuilding of the Bronze Age of the Steppe Kulunda (based on excavations of the Rublyovo-VI settlement)]. «*Margulanovskie chteniya – 2014*» [«*Margulanov Readings – 2014*»]. Almaty, Pavlodar, EKO Publ., 2014. p. 82–87. (in Russ.)

Shamshin A. B. Poselenie Myl'nikovo – pamyatnik final'noi bronzy i perekhodnogo vremeni ot epokhi bronzy k zhelezu [Mylnikovo – a monument of the final bronze and transitional time from the Bronze Age to iron]. *Skifskaya epokha Altaya* [*Scythian era of Altai*]. Barnaul, 1986, p. 100–102. (in Russ.)

Shamshin A. B. *Epokha pozdnei bronzy i perekhodnoe vremya ot bronzy k zhelezu v Barnaul'sko-Biiskom Priob'e avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [*The Late Bronze Age and the Transitional Period from Bronze to Iron in the Barnaul-Biysk Ob area. Cand. histor. sci. syn. diss.*]. Kemerovo, 1988, 16 p. (in Russ.)

Sitnikov S. M. *Kul'tura sargarinsko-alekseevskogo naseleniya lesostepnogo i stepnogo Altaya* [*Culture of the Sargarin-Aleksey population of the forest-steppe and steppe Altai*]. Barnaul, AltSPU Publ., 2015, 215 p. (in Russ.)

Tkachev A. A., Tkachev Al. Al. Domostroitel'stvo pakhomovskogo naseleniya Tobolo-Irtys'hya v epokhu pozdnei bronzy [Housebuilding of the Pakhomov Population of Tobol-Irtys'hsia in the Late Bronze Age]. *Drevnii Turgai i Velikaya Step': chast' i tseloe* [*Ancient Turgai and the Great Steppe: Part and Whole*]. Kostanai, Almaty, Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana Publ., 2015. p. 460–464. (in Russ.)

Troitskaya T. N., Mzhel'skaya T. V. Zhilishcha zav'yalovski kul'tury v lesostepnom Priob'e [Dwellings zav'yalovskogo culture in the forest-steppe Priobye]. *Severnaya Evraziya ot drevnosti do srednevekov'ya* [*Northern Eurasia from antiquity to the Middle Ages*]. St. Petersburg, 1992, p. 163–165. (in Russ.)

Udodov V. S. *Epokha razvitoi i pozdnei bronzy Kulundy: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [*The era of developed and late bronze Kulunda. Cand. histor. sci. syn. diss.*]. Barnaul, 1994, 21 p. (in Russ.)

Zakh V. A. *Epokha bronzy Prisalair'ya (po materialam Izylinskogo arkheologicheskogo mikro-raiona)* [*The Bronze Epoch of Prisalaira (based on the materials of the Izylyn Archaeological Microdistrict)*]. Novosibirsk, Nauka, 1997, 132 p. (in Russ.)

Molodin V. I., Parzinger H., Schneeweiß J., Garkuša J. N., Grišhin A. E., Novikova O. I., Efremova N. S., Marčenko Z. V., Čemjakina M. A., Mylnikova L. N., Becker H., Faßbinder J. Čiča – eine befestigte Ansiedlung der Übergangsperiode von der Spätbronze – zur Früheisenzeit in der Barabinsker Waldsteppe. Vorbericht der Kampagne 1999–2001. *Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* / Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, 2002, Band 8, S. 185–236.